

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31696/S086919080032935-5

СДЕРЖАННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭМИРА ХАБИБУЛЛЫ

© 2025

М.О. НЕССАР ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4236-0886; nessar@yandex.ru

Резюме: В статье описываются реформы, проведённые эмиром Афганистана Хабибуллой в начале XX в., анализируются объективные предпосылки этих реформ, сдерживающие социальные факторы. Делается вывод, что главным фактором модернизации является внешний, а не эндогенный. Утверждается, что к концу второй половины «колониального» XIX в. в Афганистане имел место общественный запрос на сохранение собственной самобытности от вторжений извне. Именно фактор внешней угрозы стал определяющим относительно решений как о форсировании, так и сдерживании модернизации. С одной стороны, этот фактор замедлял модернизацию, поскольку она увеличивала влияние европейцев, влияния которых консервативные силы стремились избежать в любой форме. С другой стороны, она её стимулировала, поскольку просвещённые правители понимали, что угроза колониального освоения страны империалистами вовсе не снята с повестки дня. Автором установлено, что в начале XX в. с точки зрения хозяйственно-экономического уклада Афганистан представлял собой типичную аграрно-феодальную страну, в которой земли сельскохозяйственного назначения и скот являлись основными экономическими ресурсами. В статье приводится краткая характеристика национальной и религиозной структуры общества, выделяются основные социальные категории или классы. Причину значительных политических перемен, имевших место в Афганистане в начале XX в., автор видит в изменениях, произошедших в социальной структуре афганского общества. В статье оценивается реформаторская роль тонкой прослойки светских интеллектуалов или интеллигенции, делается вывод, что она имела влияние на знать, но её влияние на общество по сравнению с клерикальными кругами было ничтожно. Автор приходит к выводу, что Хабибулла-хан в значительной мере учитывал мнения консерваторов, стремящихся сохранить феодальную структуру общества и идеологическую власть клерикальных кругов. По этой причине его реформы имели очень ограниченный характер, однако создали должную почву для более радикальных преобразований эмира Амануллы.

Ключевые слова: Афганистан, модернизация, реформы, Хабибулла-хан

Для цитирования: Нессар М.О. Сдержанная модернизация эмира Хабибуллы. Восток (Oriens). 2025. № 2. С. 58–67. DOI: 10.31696/S086919080032935-5

EMIR HABIBULLAH'S RESTRAINED MODERNIZATION

© 2025

Omar M. NESSAR ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4236-0886; nessar@yandex.ru

Abstract: *The article describes reforms carried out by the Emir of Afghanistan Habibullah in the early 20th century, analyzes the objective prerequisites for these reforms and social factors restraining them. It is concluded that the main factors of modernization were external rather than internal ones. It is argued that by the late second half of the 19th century, Afghanistan faced a need to preserve its own identity. It was the external factor that had become decisive. On one hand, this factor slowed down modernization, since it increased the influence of Europeans, whose impact conservative forces sought to avoid; on the other hand, it stimulated progress, since enlightened rulers understood that the threat of the country's colonization by imperialists had not been avoided. The author states that in the early 20th century, Afghanistan was a feudal country in which agricultural land and cattle were the main economic resources. The author sees the reason for the significant political changes that took place in Afghanistan in the early 20th century in the shifts that occurred in the social structure of Afghan society. The article evaluates the reformist role of the intellectuals, concluding that they had their share of influence on the nobility, but their impact on the society as a whole was negligible compared to the clerical circles. The author comes to the conclusion that Habibullah Khan took into account the opinions of conservatives. For this reason, his reforms were very limited, but they created the necessary ground for more radical transformations by his successor Emir Amanullah.*

Keywords: Afghanistan, modernization, reforms, Habibullah Khan

For citation: Nessar M.O. Emir Habibullah's Restrained Modernization. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 58–67. DOI: 10.31696/S086919080032935-5

Афганистан – государство в самом сердце Евразийского континента, однако волны европейской модернизации доходили до его территории едва ли не в последнюю очередь. Нельзя сказать, что страна была полностью изолирована от остального мира, – даже после упадка Великого Шелкового пути торговля по старым маршрутам продолжалась, просто она стала более локальной, перестала иметь прежнее трансконтинентальное значение. Европейские товары, включая огнестрельное оружие и промышленную продукцию, в различной степени проникали на рынок страны, где пользовались определенным спросом. Однако нововведения в течение столетий не затрагивали социальную структуру племён и сообществ, населявших эту страну.

Толчком к модернизации в конце XIX – начале XX вв. стали изменения общественной структуры, которые в это время стали носить заметный характер. Внешний фактор угрозы полной колониальной зависимости, которой удалось избежать, но которая всегда довлела над умами, был главной, но не единственной причиной модернизации как единственно доступной формы укрепления государственных институтов. Экономическая жизнь и хозяйственный уклад соседних стран менялся под влиянием капитализма и, это не могло не затрагивать хозяйство, торговлю и быт афганцев, ведущих традиционный, порой даже глубоко архаичный образ жизни и психологически укоренённых в натуральном обмене и феодальной морали. Вероятно, именно этим объясняется, почему к началу XX в. в стране почти не сформировалось собственное купеческое сословие – торговцы были преимущественно выходцами из Индии.

События начала XX в. в Афганистане и вокруг него нашли свое отражение в работах большинства отечественных и зарубежных исследователей. Данная статья носит обобщающий характер и поэтому в ней не используются первичные источники. Среди большого числа авторов, обращавшихся к истории Афганистана, в контексте темы нашего исследования наиболее значимыми стали труды отечественных специалистов [Рейснер, 1929; 1954;

Массон, Ромодин, 1965; Давыдов, 1967; Коргун, 1979; 1983; 2004; *История Афганистана*, 1982; Очильдиев, 1985; Окимбеков, 2017], афганского исследователя [Губар, 1967], казахстанского историка [Акимбеков, 2015] и западных ученых [Gregorian, 1969; Paulada, 1973; Steward, 1973]. Большинство отечественных и зарубежных авторов рассматривают преобразования Хабибуллы вне рамок афганского модернизационного процесса начала XX в., недооценивая вклад последнего в модернизацию общественной системы Афганистана и, соответственно, эволюцию механизмов формирования политической элиты. Мы считаем, что, несмотря на свой ограниченный характер, проведенные Хабибуллой преобразования создали должную почву для более радикальных реформ эмира Амануллы. Рассмотрим основные вехи реформ Хабибуллы, их хозяйственно-экономическое и общественно-социальное содержание и результаты.

ИСКУССТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР МОДЕРНИЗАЦИИ

Внешнеполитическая изоляция, в которой находился Афганистан вплоть до окончания правления эмира Хабибуллы (1901–1919 гг.), весьма серьезно тормозила экономическое развитие страны. Афганские руководители, боясь навлечь на себя избыточное внимание Англии, отказывались от освоения природных богатств, привлечения иностранного капитала и зарубежной помощи в деле возведения инфраструктурных и промышленных объектов, включая железную дорогу, идея строительства которой к тому времени существовала уже довольно давно [Очильдиев, 1985, с. 11–12]. По оценкам ряда исследователей, при Абдурахман-хане изоляция также носила искусственный характер – афганский правитель не хотел открывать страну для иностранной помощи, пока Афганистан не станет достаточно мощным в военном плане, чтобы иметь возможность договариваться на паритетных началах и оборонять актуальные и потенциальные активы [Коргун, 2004, с. 16]. Результатом этого стало то, что на рубеже XX в. в стране не было не только железных, но даже и асфальтированных дорог. Проблема отсутствия транспортной инфраструктуры усугублялась географическим положением страны – отдалённостью от основных морских портов региона, необходимостью пересекать высокие горные хребты и пустыни, чтобы достичь центров морской торговли на берегах Индийского океана. Вследствие этого Афганистан не был способен использовать своё выгодное географическое положение как торгового пути из Российской империи в Индию.

АГРАРНО-ФЕОДАЛЬНЫЙ УКЛАД И ЕГО МЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

С точки зрения хозяйственно-экономического уклада, ещё век назад Афганистан представлял собой типичную аграрно-феодалную страну, в которой земли сельскохозяйственного назначения и скот являлись основными экономическими ресурсами. Советский исследователь А.Д. Давыдов считает владение землёй экономическим фактором, определяющим социальное положение и политические предпочтения [Давыдов, 1967]. При Хабибулле земля, в соответствии с мусульманским правом, находилась в собственности государства (эмира), который мог распоряжаться ей по своему усмотрению. Это право давало эмиру возможность приобретать лояльность региональных элит, распределяя земельные ресурсы именно как самый главный экономический ресурс. Согласно данной распределительной системе все землевладельцы несли перед государством определенные обязательства. Обрабатываемая земля и пастбища находились в пользовании помещиков-феодалов, в число которых входили крупные военачальники, высокопоставленные чиновники и придворная знать. Также земельными угодьями владели старейшины племен, лидеры этнических

общин и видные представители духовенства. В качестве основной производительной силы выступал крестьянский труд, а регулирующей формой экономических отношений между крестьянами и землевладельцами – т.н. «издольщина»¹ на основе продуктовой ренты.

Значительную часть городского населения составляли ремесленники и кустари (кузнецы, гончары, сапожники, портные, медники, ювелиры и др.), продукция которых занимала достойное место на внутреннем рынке. Другой основой экономики Афганистана была внешняя торговля. При Хабибулла-хане она в наибольшей степени велась с Россией и Индией. Следует обратить внимание, что доминирующее положение в сфере торговли занимали купцы совсем не афганского происхождения. В основе своей купцами в Афганистане на тот исторический момент были выходцы из Индии, – индусы и сикхи. Национального купеческого сословия на тот момент в Афганистане ещё не существовало – это как нельзя лучше характеризует глубочайшую степень феодальной архаичности, доминирование натурального хозяйства и натурального обмена в афганской экономической жизни [Массон, Ромодин, 1965, с. 316–327].

Государственные налоги и сборы были самыми разнообразными и взимались чаще принудительно. Среди них стоит уделить внимание поземельному налогу («малиат»), который собирался преимущественно натурой и исчислялся из средней урожайности за несколько лет. Скотоводы платили «закят», ставка которого исчислялась уже в денежной форме, однако и этот вид налога изымался преимущественно натурой, за неразвитостью сферы государственных финансов и дефицитом свободных денег у скотоводов. Существовали и другие виды налогов и сборов, например, налог на жилище [Рейснер, 1929]. В целом историки отмечают растущее недовольство на рубеже XIX и XX вв. как среди крестьян, так и ремесленников и кустарей, вызванное непосильными налогами, злоупотреблениями и вымогательством со стороны чиновников. Самой распространённой причиной возмущения становилось поведение чиновников, поскольку последним было позволено вместо причитающегося им жалования изымать налоги в натуральной форме [Губар, 1967, с. 712].

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Исследователи относят Афганистан к той категории стран, в которых никогда не проводилась комплексная перепись населения. Демографические показатели и оценки, предложенные одними исследователями, периодически подвергались критике со стороны других. Встречающиеся в материалах официальной статистики и научной литературе цифры о численности населения и его этническом составе носят оценочный характер. Поэтому исследователи при изучении демографии Афганистана учитывают две категории источников: внутренние афганские и зарубежные. Российский исследователь У.В. Окимбеков приходит к выводу, что если данные первой категории местами завышены, то вторая группа близка к реальности [Окимбеков, 2017]. К примеру, известный американский афганист Л. Пулада, пользующийся внутренними афганскими источниками, общую численность населения страны в 1920-х гг. оценивает в 11–13 млн человек [Paulada, 1973, p. 15]. Однако другие исследователи, в частности, отечественные, приводят существенно меньшие оценки: 7,5–8 млн [*Афганистан на переходном этапе*, 2002, с. 39].

Распределение по этносам в ту эпоху в относительных величинах не сильно отличалось от современного: большинство составляли пуштуны, за ними следовали таджики и узбеки; затем шли аймаки, хазарейцы и туркмены, численность которых была примерно сопоставима. Зарубежные исследователи оценивают количество пуштунов в 36–38 % от общего числа населения; таджиков в 18–23 %; узбеков в 9 %. Статистические данные о числе

¹ Форма земельной аренды, при которой платой за землю являлась определённая доля урожая.

прочих национальностей, на удивление, более определённые: аймаки – 7,2 %; хазарейцы – 6,3 %; туркмены – 4,5 %; арабы, белуджи, нуристанцы, кыргызы, кызылбаши, индусы и евреи в совокупности – 18 %. Как можно увидеть, население было весьма разнородным, но по макро-этническому составу его можно объединить в две большие группы: арийские и тюркские народы. Их образ жизни также был разнообразным – оседлым, кочевым и полукочевым. Известно, что тюркские народы тяготеют к кочевому укладу, но этого нельзя сказать об узбеках, которые давно стали оседлыми и чей образ жизни не сильно отличается от таджиков. Индоевропейские (арийские) народы после ухода с исторической арены скифов обычно ведут осёдлый образ жизни, но в Афганистане сохранилось множество полукочевых пуштунских племён. Нуристанцы, жители Памира и прочих высокогорных изолятов и вовсе представляют собой архаичное индоевропейское население региона, чья история уходит в глубину веков. Их верования сохранили черты шаманизма.

Тем не менее, несмотря на до сих пор впечатляющее религиозное языческое наследие, религиозную структуру афганского общества в первых декадах XX в. следует признать гомогенной: 99 % населения страны составляли мусульмане, из которых 80 % – сунниты, а 18 % относились к шиитам [Очильдиев, 1985, с. 14, 37]. Закономерно, что социальный статус и реальная власть духовенства в подобном феодальном и религиозно однородном обществе была очень высока. В руках духовенства находилась такая важная сфера контроля над обществом, как судопроизводство. Влияние этого сословия на формирование общественного мнения было не менее велико в силу сложившегося в течение многих столетий высокого уровня доверия населения. Поскольку именно священники были толкователями действия вождей племен, чиновников и даже эмиров на предмет соответствия нормам ислама; они пользовались весьма серьезным влиянием на политику. Однако наибольшим влиянием на общественно-политические процессы имел ряд знатных семейств. Среди них к самым влиятельным следует отнести членов семейства Моджаддеди².

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XX в.

Вертикальную социальную стратификацию в начале XX в. можно описать социальными категориями или классами, вполне типичными для феодального общества.

Высшая знать. К ней относились эмир, королевская семья, придворные, высшие государственные чиновники, представители высшего духовенства, вожди племен, богатые купцы, крупные землевладельцы, высокопоставленные армейские офицеры. Общая численность этой категории была невелика, — примерно 2–3 тыс. человек; ее подавляющее большинство составляли пуштуны, однако имелось незначительное количество таджиков.

Элита. К этой категории относились государственные служащие, специалисты, купцы, литераторы, придворные астрологи, религиозные лидеры среднего уровня, офицеры полиции и армии. Общая численность этой категории оценивается в 8–10 тыс. человек. В основном в эту социальную страту входили, опять же, пуштуны и таджики, но встречались и кызылбаши.

Народ – подавляющее большинство населения страны, сформированное в основном крестьянами (земледельцами и скотоводами) и ремесленниками. Главным образом это были пуштуны. Полуквалифицированными рабочими, механиками и водителями в основном были таджики. На этом же уровне социальной иерархии находились рядовые военнослужащие, полицейские, мелкие лавочники и официанты. Среди представителей этих профессий

² Для понимания ситуации следует отметить, что род Моджаддеди остается одним из самых влиятельных семейств по сей день.

и видов деятельности превалировали пуштуны и таджики, однако вполне можно было встретить туркмен и хазарейцев [Очильдиев, 1985, с. 17–19].

Высшая знать и элита могли владеть земельными угодьями и по этой причине часто являлись помещиками-феодалами. Вполне очевидно, что феодальное сословие не было однородным, оно естественным образом делилось на два крупных класса, интересы которых обычно не совпадали. Наиболее влиятельными в политическом и экономическом плане были сердары, владеющие, как правило, большим количеством земельных угодий, обычно дарованных эмиром либо приобретенных у него. По роду деятельности это как правило были высокопоставленные чиновники или известные придворные. Помимо крупных землевладельцев, приближенных ко двору, значительными земельными наделами обладали главы родоплеменных общностей, проще говоря, – старейшины племён. В отличие от сердаров, лояльных государству в лице эмира, последние нередко были реальными носителями сепаратистских настроений: к этому их толкал сам институт племенного самоуправления, столетиями укоренившийся в местной социальной структуре и местном феодальном праве.

Как было сказано ранее, основной производительной силой страны, основой её экономической мощи в ту эпоху были крестьяне, скотоводы, ремесленники и кустарники, которых советские исследователи относят к «эксплуатируемому классу». Важно обратить внимание на существенную разницу в хозяйственном укладе и образе жизни землевладельцев и скотоводов. Если земледельцы, как и подобает им, вели оседлый образ жизни сельского населения, то скотоводы были кочевниками или полукочевниками. Кочевой уклад был присущ в основном тюркским народам, и он вполне понятен. Полукочевой образ хозяйствования особенно примечателен, его придерживались многие пуштунские племена. В зимнее время они вели оседлый сельский образ жизни на юге страны, а на лето занимались отгонным скотоводством на значительные расстояния – на сотни километров на север. Доля кочевых жителей Афганистана в начале XX в. была велика – порядка 33 % [Очильдиев, 1985, с. 26]. Ремесленники и кустарники жили в основе своей в городах, население которых, по современным меркам, было невелико и не составляло многочисленной социальной прослойки, способной заметно влиять на политику.

Представители другой группы производителей экономики – ремесленники и кустарники – относились к городскому типу населения оседлого образа жизни.

ПРОСВЕЩЁННАЯ ПРОСЛОЙКА И ЕЁ РОЛЬ

Причину весьма значительных политических перемен, имевших место в Афганистане в начале XX в., следует искать в изменениях, произошедших в социальной структуре афганского общества. Во-первых, вследствие роста торговли произошло значительное расширение социально-экономического класса купцов. Во-вторых, зародилась новая классовая группа – *интеллигенция*.

К изменениям социальной структуры привели предпринимаемые самым Хабибуллой шаги, которые следует рассматривать как внутренние факторы. Эмир был заинтересован в расширении социальной базы своего правительства. С этой целью он, в частности, приостановил конфискацию земель у непуштунского населения, которая ранее изымалась в пользу пуштунских переселенцев с юга и востока страны. Значительное влияние на общество оказало распоряжение, разрешавшее афганским эмигрантам вернуться на родину. В рамках этого решения монарха в страну вернулись представители влиятельных кланов, ранее изгнанных Абдурахманом, и интеллектуалы, одним из которых был Махмуд Тарзи.

В середине своего правления Хабибулла-хан предпринял серьезные шаги по расширению светского образования, созданию собственной промышленности, модернизации армии

и государственного аппарата. Тем не менее, нельзя сказать, что результаты этих шагов оказались значительными в ближайшей перспективе. Например, число школ и учащихся к концу правления Хабибуллы оставалось крайне малым. Так, в 1916 г. в самом продвинутом кабульском округе страны начальную школу окончило всего 130 человек. В провинции дети продолжали учиться в школах при мечетях – в медресе. Основным содержанием обучения в медресе было преимущественно заучивание Корана наизусть. По оценкам западных исследователей, при Хабибулле неграмотными было 98 % населения [Gregorian, 1969, p. 184]. Созданный в 1913 г. Департамент образования пытался модернизировать обучение в традиционных школах, в медресе. Изменения коснулись содержания образования – в школах начали преподавать светские дисциплины. Впрочем, занятия в них велись в основном муллами, которые могли учить только религии и грамоте, за что получали от государства жалование как светские учителя [Коргун, 2004, с. 37].

Важнейшую роль в модернизации общественной системы страны играла афганская интеллигенция, процесс становления которой начался по сравнению с другими странами Востока на несколько десятилетий позже, и, соответственно, занял больше времени. В условиях переходного характера общества граница между интеллигенцией и другими социальными слоями являлась весьма нестабильной, поэтому предлагаемая исследователями классификация интеллигенции, а также численность социальных слоев, носят весьма условный характер [Коргун, 1983, с. 5]. К началу XX в. относительная численность интеллигенции была по сравнению с другими странами региона совсем не велика. Другой особенностью афганской интеллигенции того времени считается ее относительно молодой возраст, что важно при трансформации общественных процессов [Очильдиев, 1985, с. 29]. Сведения об интеллигенции скупы и не позволяют составить четкую картину о ее положении и доле в афганском обществе того времени, тем не менее, некоторое представление об этом составить вполне возможно. Интеллигенцию конца XIX – начала XX вв. условно можно разделить на две группы. К первой следует отнести *традиционную интеллигенцию*, а точнее – образованный класс феодального общества, который был очень малочислен и состоял, в основном, из числа образованных придворных астрологов, поэтов и лиц с высоким духовным саном. Ко второй группе относится *новая интеллигенция* или интеллигенция в собственном смысле этого слова. Она начала формироваться только в начале XX в. Значимую роль в ее формировании сыграл указ Хабибуллы, разрешающий афганцам-эмигрантам вернуться на родину. Многие из них получили современное образование иполнили ряды новой интеллигенции, усилив её общественно-политические позиции. Важно иметь в виду, что образование было доступно немногим, являлось скорее привилегией выходцев из феодальных кругов общества, и этот факт её генезиса накладывал свой отпечаток на мировоззренческие установки просвещённой прослойки афганского общества того времени.

Оценивая роль и влияние интеллигенции на всё общество в целом, не стоит его переоценивать, поскольку возможности донести свои идеи до масс были весьма ограничены: уровень развития средств массовой информации и коммуникаций в начале XX в. в Афганистане находился на низком уровне. Учитывая, что радиовещание в Афганистане впервые было запущено в 1928 г. [Skuse, 2002, p. 267–279], единственными из доступных средств общения для интеллигенции были малочисленные газеты и так называемые листовки «*шабнама*». Характерно, что они раздавались в темное время суток. На фоне этих скромных возможностей распространения идей через печатную продукцию в преимущественно неграмотной стране, у консерваторов-клерикалов была налажена достаточно эффективная система коммуникации с населением. Основными ее элементами были, разумеется, многочисленные мечети и прочие исламские святыни, расположенные по всей

стране, при которых состояли на службе многие десятки тысяч священнослужителей. По данным советских исследователей, в те годы представителей духовенства (имамы, хатибы и др.) в стране насчитывалось от 150 до 200 тыс. человек [Очильдиев, 1985, с. 20]. Для двенадцатимиллионного государства того времени, следует признать, это весьма значительное число: на одного священника приходилась примерно сотня мирян.

НОВОВВЕДЕНИЯ ХАБИБУЛЛЫ

Несмотря на проблемы, связанные с изоляцией страны и сопутствующими с этим трудностями, во время правления Хабибуллы в экономической сфере стали происходить определенные положительные изменения. В частности, расширилось производство на единственном в то время государственном оружейном заводе «Машин-хана». Кроме того, в 1903 г. было открыто государственное предприятие по производству обуви, продукция которого предназначалась в основном для нужд армии. Важным событием тех времен считается завершение в 1910 г. прокладки телефонной линии между Кабулом и Джалалабадом. В том же году завершилось строительство небольших электростанций, было принято решение о строительстве первой в стране ГЭС в районе Джабаль ус-Сирадж и появились первые асфальтированные дороги. В 1911 г. в Кабуле была учреждена первая гражданская больница на 30 коек [Губар, 1967, с. 704–705].

Имеющиеся свидетельства об изменении быта двора монарха явно говорят в пользу того, что поездка эмира Хабибуллы в 1905 г. в Индию оказала значительное влияние на его образ жизни и мировоззрение. По крайней мере, после путешествия эмир стал стремиться к «европеизации» своего двора. Неудивительно, что «западнизация» свелась к сугубо внешним атрибутам: европейской кухне, одежде, визитным карточкам, перьевым ручкам и пишущим машинкам у сотрудников дворцовой канцелярии. В последние годы своего правления Хабибулла увлекся автомобилями, которых в его гараже насчитывалось 58. Он также увлекался западными видами спорта: крикет, гольф, теннис [Коргун, 2004, с. 15]. Хотя указанные перемены, как правило, не выходили за пределы дворца, в это время, как упомянуто выше, были инициированы первые реформаторские проекты по индустриализации страны и светскому просвещению.

Можно сделать вывод, что Хабибулла-хан внес определенный вклад в модернизацию общественной системы Афганистана. Именно при его правлении появились первые мануфактуры и новые общественные институты. Эти прогрессивные нововведения способствовали росту городского населения и фактическому возникновению именно афганского, а не индийского купеческого сословия. При этом просвещенном, по меркам той эпохи, правителе Афганистана сформировалось первое образованное и политически сознательное афганское поколение, которое внесло большой вклад в будущий ход развития единого афганского государства.

Сейчас можно оценить, что Хабибулла-хан как политик действовал весьма осторожно, лавируя между разными фракциями в своем окружении. Следует обратить внимание, что его прогрессивные устремления уравнивались влиянием его брата Насруллы-хана, который транслировал общественное мнение консервативно-настроенных слоёв общества и к которому эмир Афганистана прислушивался. К радикальным политикам, железной рукой проводящим политику модернизации, его, вне всякого сомнения, отнести нельзя: например, эмир отложил свои планы по развитию промышленности и строительству железных дорог. Консерваторы не без причин полагали, что индустриализация страны, которая невозможна без привлечения иностранцев, неизбежно приведет к «нежелательному наплыву в страну европейцев» [Коргун, 2004, с. 30]. В этом они явно видели не только угрозу независимости, которая была защищена не без труда, но и угрозу культурной самобытности.

Гибель в 1919 г. Хабибуллы-хана и приход к власти Амануллы принёс заметные перемены в экономике. Обретение полноты государственного суверенитета вывело страну из изоляции. Обычно период 1919–1929 гг. считается эпохой реформации политико-экономической структуры страны. Благодаря усилиям эмира Амануллы Афганистан стал проводить самостоятельную международную политику, вышел на мировую арену. Однако обретение всей полноты независимости создало серьезные экономические трудности для новых властей: после ее признания англичане прекратили выплачивать Афганистану ежегодную субсидию в размере 2,4 млн индийских рупий. Согласно данным казахстанского исследователя С.М. Акимбекова, для Афганистана это означало потерю как минимум четверти доходов бюджета [Акимбеков, 2015, с. 155]. Впоследствии именно экономические трудности стали ключевой причиной неудач реформ Амануллы-хана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу второй половины «колониального» XIX в. афганское общество сохраняло собственную самобытность и, что особенно важно, – настойчиво берегло её от вторжений извне. Именно фактор внешней угрозы, причём не просто угрозы завоевания с целью установления правящей династии или вассалитета, а фактор потери привычного образа жизни стал определяющим относительно решений о форсировании или сдерживании модернизации. У афганской правящей элиты и общества в целом был негативный пример колонизированной Индии, по которой каток британской капиталистической экономики прошёлся со всей своей силой и судьбы которой они, наверняка, стремились избежать. Этот фактор был амбивалентным по своей направленности. С одной стороны, он сдерживал модернизацию, поскольку она увеличивала влияние европейцев, культурного воздействия которых консервативные силы стремились избежать в любой форме. С другой стороны, она её стимулировала, поскольку просвещённые правители понимали, что угроза колониального освоения страны империалистами вовсе не снята с повестки дня – драматические события могут повториться, причём в больших масштабах и закончиться самым плачевным образом. Для этого было необходимо укрепление государственных институтов, центральной власти, создание относительно современной регулярной армии. Выполнение последней задачи требовало создания промышленности и реформы финансов для выхода из порочного круга натурального обмена, препятствовавшего быстрому и эффективному взиманию налогов и государственных расходов, включая зарплату чиновникам и военнослужащим. Выполнить эту задачу только путём государственного принуждения, без изменения менталитета афганского общества, было невозможно. Помимо консервативных феодально-клерикальных сил появилась тончайшая прослойка светских интеллектуалов, т.н. интеллигенции, но она была вполне способна идейно удовлетворять модернизационные притязания элиты, понимавшей, что окружающий мир живёт в новой эпохе, стремившейся присоединиться к ней и мечтавшей о европейском комфорте. Преобразования в общественной структуре Афганистана и экономические изменения оказали значительное влияние на механизмы формирования политической элиты Афганистана в начале XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Акимбеков С.М. *История Афганистана*. Астана, Алматы: ИМЭП при Фонде Первого президента, 2015 [Akimbekov S.M. *History of Afghanistan*. Astana, Almaty: IWEP, 2015 (in Russian)].
- Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)*. М.: ИВ РАН, 2002 [*Afghanistan in Transition (September 2001 – June 2002)*. Moscow: IOS RAS, 2002 (in Russian)].

Губар М.Г.М. *Афганистан дар масир-е тарих*. Т. I. (*Афганистан на пути истории*). Кабул: б.и., 1967 (на языке дари) [Gubar M.G.M. *Afghanistan on the Path of History*. Vol. I. Kabul: w.p., 1967 (in Dari)].

Давыдов А.Д. *Аграрный строй Афганистана: основные этапы развития*. М.: Наука, 1967 [Davydov A.D. *Agrarian System of Afghanistan: Main Stages of Development*. Moscow: Nauka, 1967 (in Russian)].

История Афганистана. Под ред. Ю.В. Ганковского. М.: Мысль, 1982 [History of Afghanistan. Y.V. Gankovsky (ed.) Moscow: Mysl, 1982 (in Russian)].

Коргун В.Г. *Афганистан в 20–30-е годы XX в. Страницы политической истории*. М.: Наука, 1979 [Korgun V.G. *Afghanistan in the 1920–30s. Pages of Political History*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Коргун В.Г. *Интеллигенция в политической жизни Афганистана*. М.: Наука, 1983 [Korgun V.G. *Intelligentsia in the Political Life of Afghanistan*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Коргун В.Г. *История Афганистана. XX век*. М.: ИВ РАН, 2004 [Korgun V.G. *History of Afghanistan. 20th Century*. Moscow: IOS RAS, 2004 (in Russian)].

Массон В.М., Ромодин В.А. *История Афганистана*. Т. II. *Афганистан в новое время*. М.: Наука, 1965 [Masson V.M., Romodin V.A. *History of Afghanistan*. Vol. II. *Afghanistan in Modern Times*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].

Окимбеков У.В. Население Афганистана: динамика численности, состав и конфликты на этнической почве. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 26. М.: ИВ РАН, 2017. С. 307–346 [Okimbekov U.V. Population of Afghanistan: dynamics of numbers, composition and conflicts on the basis of ethnicity. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. Issue 26. Moscow: IOS RAS, 2017. Pp. 307–346 (in Russian)].

Очильдиев Д.Я. *Младшафганское движение (1900–1929)*. Ташкент: Фан, 1985 [Ochildiev D.Ya. *Young Afghan Movement (1900–1929)*. Tashkent: Fan, 1985 (in Russian)].

Рейснер И.М. *Независимый Афганистан*. М.: Московский институт востоковедения, 1929 [Reisner I.M. *Independent Afghanistan*. Moscow: Moskovsky institut vostokovedeniya, 1929 (in Russian)].

Рейснер И.М. *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954 [Reisner I.M. *Development of Feudalism and State Formation among the Afghans*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954 (in Russian)].

Gregorian V. *The Emergence of Modern Afghanistan*. Stanford: Stanford University Press, 1969.

Paulada L.B. *Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1973.

Skuse A. Radio, Politics and Trust in Afghanistan: A Social History of Broadcasting. *International Communication Gazette*. 2002. Pp. 267–279.

Stewart R.T. *Fire in Afghanistan, 1914–1929*. Washington: Library of Congress Catalog, 1973.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НЕССАР МОХАММАД ОМАР – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Omar M. NESSAR, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.